

**Александр Николаевич Терентьев
Михаил Шервуд
Сергей Виноградов
Александр Беленький
Ромик «Тросс» Темкин
Игорь Раковский
Максим Леонов
Дмитрий Горчев
Александр Прокопович
Александр Попов
Андрей Мигачев
Михаил Осташевский
Владимир Аникеев
Армейские байки (сборник)**

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6023741
Армейские байки / Сборник.: Астрель, Астрель-СПб; Москва, СПб; 2012
ISBN 978-5-271-41465-7, 978-5-9725-2247-7*

Аннотация

Так уж мы, россияне, устроены, что любое серьезное дело умеем превратить в одну сплошную байку. А уж армейская служба по этой части даст не одну сотню очков форы любой охоте и рыбалке.

А нам-то чего врать... Суровые солдатские будни глазами сержантов и лейтенантов, рядовых и командиров, дембелей и чайников...

Содержание

Ромик «Тросс» Темкин	4
Про бокс	4
Про телефоны и патрули	6
Про группу «Крематорий»	9
Разрешите обратиться?	11
Про гауптвахту	13
Про спирт и салют	19
Про похороны. Цинично	21
Случай в армии	23
И еще про армию	25
Михаил Шервуд	26
Стрельба в падении	26
Гриша	28
Заглада	30
Медный лоб	31
Сдвиг по фазе	31
Выстрел в голову	32
Героический Кузя	32
«Розыгрыш»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Армейские байки (сборник)

Ромик «Тросс» Темкин

Про бокс

Всех отсутствующих построить в одну шеренгу.

Из армейизмов

А знаете ли вы, друзья, что когда я служил в советской армии, я участвовал в соревнованиях по боксу в легкой весовой категории?

В очень легкой.

В воздушной, блядь, весовой категории.

Чтоб вы поняли – это сейчас я разожрался до семидесяти килограмм, а когда шел в армию, весил сорок два. Ага. Сорок два килограмма. Мне военком так и сказал:

– У тебя, дружище, два кило лишнего весу. Годен.

Как с этими сорока двумя килограммами я попал в морскую пехоту – это отдельная история. Но попал.

Короче, на каком-то месяце моей службы вызывает меня командир и говорит:

– Темкин, у нас в части проводятся соревнования по боксу. Приказ комдива – от каждого подразделения выделить одного человека. Мы, Темкин, выделяем вас.

Я грю:

– Вы, Василий Петрович, воля ваша, никак с дуба рухнули? Ну вы посмотрите на меня – какой я, к ебням, боксер? Вы что? Мне же одного удара буйт достаточно, чтобы меня унесло, и никакие канатики не помогут эти... ну, на ринге которые. Не-не-не-не-не! Не согласный я, и не упрашивайте.

– А вашего согласия, Темкин, никто и не спрашивает. Я вас в приказном порядке отправляю на соревнования. В субботу вы должны быть в спортзале. Идите в спортроту, выпишите себе это... Ну, слово забыл. Оборудование? Нет. Обмундирование, типа. О! Инвентарь.

Я плетусь в спортроту, а надо сказать, что с пацанами-спортсменами я дружил – хорошие пацаны.

Вот прихожу я к ним.

– О! Ромка! Здравовка. Чего убитый такой? Обидел кто? Отпиздить кого?

– Да не, пацаны. Я к вам за перчатками пришел. Боксерскими.

– Да ты что?! Спортом решил заняться? Ай, молодец! Правильно. В здоровом теле здоровый дух, как говаривал Ювенал. (*Про Ювенала они не знали, это я сам сейчас написал, чтобы повыбываться.*)

Ну, я объясняю им ситуасьон, они как давай ржать.

– Парни, может можно мне в перчатки еще пяток килограмм железа добавить?

– Нельзя, Ромик, тебя тогда при замахе просто-напросто назад снесет – на рефери.

– А что же делать, пацаны? Мне мое лицо очень нужное. Я им кушаю и на трубе им играю.

– Да ладно, что ты парисся? Ты же в легкой весовой категории.

– Ну да, но мне противника нужно в категории до пятнадцати килограмм, чтобы я его хотя бы смог поднять и откинуть.

– Короче, Ромка, все очень просто. Если твой противник не придет на соревнования, то ему автоматом засчитывают поражение, а тебе, соответственно, победу. Устраивает такой расклад? Кто твой соперник, знаешь? Мы с ним проведем разъяснительную беседу.

– Не, ребят, спасибо, конечно, но не надо. А то потом он меня еще без ринга обнаружит и без перчаток. Не, ну его на хуй. А вот если, скажем, я не приду, то по всему выходит, что мне поражение засчитают?

– Выходит так.

– Но все равно как бы получается, что я участвовал, а просто не выиграл, так?

– Так.

– О! Вот этот расклад меня охуительно устраивает.

* * *

Короче, настал шаббат, пришли мы с пацанами-спортсменами в спортзал, сидим на трибунке, сечем, что будет происходить.

– На ринг вызываются Сергей Ким...

Кореец у нас был такой, нихуя не маленький. Тайсон сосет не нагибаясь.

– ...и Роман...

А я уже охуел. Какой, думаю, на хуй... Там тушка под двести кило. Это же вафли. Хотел уж было встать, кричать, что это ошибка. Но тут этот ведущий продолжил:

– ...Залупенько.

Ну, слава яйцам, вроде пронесло.

Сидим с пацанами, прикалываемся. Один там месит другого на ринге, в общем, все хорошо.

Долго ли, коротко ли, настает мой черед.

– На ринг вызываются Роман Темкин...

Я, бля, притих, за пацанами зашкерился. Вдруг, думаю, кто-нить на меня пальчиком тыкнет и этот конферансье меня за шкуру на ринг потащит? В общем, стремно мне.

– ...и Владимир Полипчук.

Вовка!!! Вован-братан! Вован-моркован, дружочек мой, дружбан-корёфан. Такой же дохлый, как и я, даже хуже. Классный пацан, с Полтавы. Оттель они грозили шведу. Я начинаю его глазами искать: вон он, на соседней трибунке пришкерился за своими и меня высматривает. Тут мы взглядом-то и встретились. Я ему знаками показываю: «Пошли, мол, Вован, поприкалываемся». Он только головой мотает в ступоре: «Нет, мол, нуивонахуй».

Короче, нам обоим тогда поражение засчитали. Мы с ним долго еще потом эту фишку вспоминали и прикалывались.

Однако поражение поражением, а участие-то засчитано.

Про телефоны и патрули

*В роте семь разгильдяев, а ты волосы на пробор носишь.
Из армейизмов*

Армия, как известно, родина долбоебизма. «Это же просто песня», – говаривал старшина Черепахин и был прав!

Самое, пожалуй, радостное воспоминание об армейском раздолбайстве у меня осталось от лета 1992 года.

Именно тогда мне посчастливилось дежурить в штабе полка и
ждать звонка
по неподключенному телефону
от самого себя.

* * *

Вообще, лето в армии называют «римскими каникулами» – все командование в отпуске, никто ничего не делает, всем на все глубоко насрать. Именно этим и воспользовался матрос оркестра Бушуйкин, подавшись в бега.

Вообще, самовольная отлучка из расположения части – это всегда ЧП: особенно когда речь идет не о простой самоволке, а о дезертирстве. А так как ЧП произошло в оркестре, то, соответственно, оркестр и должен сам жрать свое дерьмо. В общем, из числа двух матросов и одного сверхсрочника был назначен патруль по поиску беглеца, и еще один сверхсрочник должен был сидеть в специально отведенном кабинете штаба полка и ждать сообщений от патруля – мол, «поймали» или же – «нет».

* * *

Через пару недель такого вот патрулирования мы получили телеграмму от мамы Бушуйкина из Красноярска: «Приезжайте, люди добрые, забирайте моего сына-дезертира».

Как он попал в Красноярск – неизвестно, но выслали за ним прапорщика Николая Лаврентьича с еще одним сверхсрочником, для пущей важности снарядив их пистолями. А пока суть да дело, пока парня не привезли, патрули никто не отменял. Мало ли?

Как так получилось, что два графика вот этих вот дежурств составляли два разных человека – непонятно. Но в какой-то момент произошло следующее: я должен идти в патруль. «С удовольствием», – подумал я себе и начал собираться. Ан нет. Согласно второму графику, я в это же время должен находиться на дежурстве у телефона...

Ну, накладки – вещь обычная, и не такое бывало. В таких случаях просто меняешься с кем-нибудь, и вся недолга. Ага, не тут-то было: половина народу в отпуске, другие только что оттрубили ночное дежурство, третьи должны заступать вечером, в общем – теревить некого.

А я что? Я человек военный.

Мне, ежели чего непонятно, я к командиру иду – у него голова большая, пушай себе думает.

– Товарищ майор, старшина Темкин. Разрешите обратиться? – и руку так лихо к виску.

– Обращайтесь, старшина.

(Это я сейчас так выебываюсь, по-военному, на самом деле мы его обычно по имени-отчеству звали, а он нас по фамилии.)

– Василий Петрович, накладочка произошла, – и сую ему в руку два листочка с расписаниями.

– Что вы мне, Темкин, даете?

– Вот тута, Василий Петрович, написано, что я должен дежурить в штабе полка у телефона.

– Так идите, дежурьте.

– А вот туточки написано, что я должен идти в патруль.

– Так идите в патруль, что вы хотите?!

– Василий Петрович, глобально я хочу мира во всем мире и счастья для всего человечества. Менее глобально я хочу большой и чистой любви, а уж совсем неглобально – хочу есть.

– Перестаньте кривляться, Темкин, что вам от меня надо?

– Ну, так как вы, товарищ майор, не сможете мне дать ни одного, ни другого, ни третьего, то малую малость я попрошу у вас – разрулить ситуацию.

– Какую ситуацию? – начинает терять терпение командир.

– Вот смотрите сюда. Число, месяц: со столько-то до столько-то старший патруля Темкин. Так?

– Так.

– А вот тут вот: число, месяц, дежурный по телефону Темкин. Так?

– Так. И что, из-за этой мелочи вы мне голову морочите? Поменяйтесь с кем-нибудь.

– Никак невозможно, товарищ майор. Бурнышев только сменился и отдыхает, а Дьяченко заступает вечером.

– А где Мышкин?

– В отпуске, товарищ майор.

– А Черепахин?

– В командировке, товарищ майор, с прапорщиком.

– А этот... как его? Ну, толстый такой...

– Карпуха?

– Да, Карпуха. Что-то я его давно не видел.

– Неудивительно, товарищ майор. Старшина Карпуха еще год назад спиздил пулемет КПВТ, уволился из рядов армии, но был пойман в Белоруссии и сейчас отбывает наказание.

– Да вы что? – делает большие глаза майор.

(С памятью у него, прямо скажем, хуево.)

– Василий Петрович, что делать-то будем? Куда мне идти?

И командир принимает соломоново решение:

– Все равно моряка скоро должны привезти, так что смысла в патруле нет. Идите в штаб.

– Василий Петрович, если смысла в патруле нет, то и смысла в дежурстве тоже нет, не буду же я ждать звонка от самого себя?

– Будете, Темкин. Смысл есть. Вас будет видеть командир полка и другие офицеры, а это значит, что оркестр не бездельничает, а несет службу. Ступайте в штаб.

Сказать честно, конечно, хотелось в патруль – свобода, по городу погулять, пирожков поесть, – вместо того чтобы сидеть в душном кабинете. Но приказ есть приказ.

И пошел я дежурить.

* * *

А теперь начинается самое интересное.

Перенесемся на две недели назад.

...Первым «посчастливилось» дежурить на телефоне Борьке Черепахину. А я у него, соответственно, принимал дежурство.

– Здорово, Борька, че делать-то надо?

– Да вот, сиди, журнал «Огонек» читай.

– Не, ну это само собой. А так, по должности?

– По должности, старик, ты должен сидеть у телефона и ждать от патруля известий о том, что беглец пойман, и немедленно доложить об этом командованию полка.

– Отлично. А где телефон?

– Нету еще. Но в течение дня должны принести.

– Охуительно. А че ты сидел?

– А хули? Приказали, вот и сидел. Че тебе-то? Сиди вон, газеты читай, кроссворды решай.

И остался я один в пустой комнате. Но ненадолго. Заходит морячок-связист. Из роты связи, стало быть.

– Телефон вот принес. Куда ставить?

И протягивает мне полевой телефон, с ручкой, который – «бжик-бжик».

– Да куда хочешь, туда и ставь. Куда подключать-то будешь?

– А подключать мне не сказали.

– Это что это еще значит «не сказали»? Как он работать-то будет? Я тебе что, спутник?!

Я на него сигналы ртом передавать буду?! Пик-пик-пик?!!

Морячок молоденький, в пол уставился и плечами пожимает, мол: «Отъебись, дядя, не мое дело. Мне сказали принести, я принес».

– Мне сказали принести, я принес, – повторил он часть своей мысли.

– Не, старина, так дело не пойдет. Давай сюда агрегат. Как он подключается?

– Вот сюда должны вставляться два проводка, и кидаются концы на общую коробку.

– А коробка где?

– Не знаю. В штабе ее нет. В штабе же нормальные телефоны, с цифрами. Вот и розетка есть.

– Так а че ты эту хуету приволок? Неси нормальный телефон. – Это я уже сердиться начинаю, хотя по натуре человек добрый.

– Мне сказали принести, я принес.

– Так притащи теперь нормальный аппарат, уебан!

– Не могу. Мне старшина этот выдал.

– Блять! Где твой старшина? – Хватаюсь за телефон, кручу ручку и отшвыриваю трубку, потому как – а хули?

– Чувак, передай своему старшине, что он долбоеб! Скажи, пусть поставят такой телефон, по которому можно будет разговаривать!

...Морячок исчезает за дверью, а я остаюсь у неподключенного аппарата.

* * *

К слову сказать, аппарат этот так никто никогда и не подключил, потому что в красной армии логики не бывает.

Зато бывает совершенно замечательный армейский долбоебизм, благодаря которому через две недели я и сидел у неподключенного телефона и ждал звонка от самого себя.

Про группу «Крематорий»

*Здесь вам не Англия, копать надо глубже.
Из армейизмов*

Когда я служил в советской армии, играл я в оркестре морской пехоты. Большой такой штатный оркестр, а при нем ма-а-ахонький внештатный, разумеется, ансамбль.

В оркестре я игрывал на трубе (второй корнет, между прочим!), а в ансамбле – на клавишах. Ну ансамбль-то, такой, халтурный был: свадьбы офицерские, всякие халявные дела...

Как-то в январе 91 года играли мы «елочки». С третьего по десятое января. Тут подходит ко мне майор и говорит такой:

– Темкин, а вы знаете, что ваша группа заявлена на конкурсе «Песня в матросских сердцах»?

– Никак нет, Василь Петрович, знать не знаю, ведать не ведаю. А когда состоится мероприятие?

– Пятнадцатого января.

– Абсолютли, товарищ майор, импасибл. Мы же на «елках» до десятого, а пяти дней никак не хватит группе, чтобы подготовиться. У нас ни репертуара, ничего нет. Мы же не будем там «Синий туман», да «Бабушки-старушки» лабать?

– Поздно, Темкин, заявка уже в штабе флота. Ничего не поделаешь, придется участвовать. Сразу после «елок» я вас освобождаю от всех занятий, занимайтесь ансамблем.

Ну, что оставалось делать? Партия сказала: «Надо»...

Заперлись мы в клубе с пацанами. Стали думу думать. Нам сказали три песни готовить, причем желательно нашего же сочинения. А где их взять-то? Мы отродясь ничего не сочиняли, кроме мелких стебов. В общем, за пару дней сваяли две песни. Поэтов среди нас вообще не было, поэтому одну песню написали на стихи Есенина (что-то такое лирическо-панк-роковое), а другую – хевиметал – на стихи из сборника военных песен. Что-то там, типа: «Шагает морская пехота, идут представители флота...»

Мы их быстренько захуярили и начали над третьей думать. А думать особо времени нет. Тогда басист Серега и говорит:

– Парни, у меня есть заебательская кассетка. Группа «Крематорий». Слышали?

– Нет, – отвечаем, – не слышали.

И в самом деле, с творчеством этой замечательной, и с той поры любимой, группы я ранее знаком совсем не был. В общем, послушали мы кассетку и выбрали «Безобразную Эльзу». А там совершенно дивный припев: «Ведь мы живем для того, чтобы завтра сдохнуть», – и музыка такая – ля-ляля, ля-ля-ля. Короче, за ночь, под бутылку спирта, мы эту песню разучили и отрепетировали. А наутро, за день до конкурса, приходит майор и говорит:

– Я хочу вас послушать.

– А может, не надо, Василий Петрович? Ей же богу, одно расстройство из-за вас, то конкурсы дурацкие, то послушать...

– Ничего не знаю, играйте, что вы там насочиняли.

– Ну, значицца, насочиняли мы две песни, одна лирическая на стихи советского поэта Сергея Есенина, другая про морскую пехоту, а третью песню мы исполним из репертуара известной группы «Крем» (*полностью-то название нельзя же было майору говорить*).

Короче, поем. И вот доходим до Эльзы:

Безобразная Эльза, королева флирта,
С банкой чистого спирта я спешу к тебе...

В общем, у майора постепенно шапка подымается, глаза, за и без того увеличивающимися стеклами очков, выпрыгивают из орбит, а на словах: «Мы живем для того, чтобы завтра сдохнуть» – командир не выдерживает и начинает орать:

– Какой спирт? Какая Эльза?! Вы что, с ума посходили? Отставить!

– Василий Петрович. У нас три варианта: либо мы не выступаем вообще, либо выступаем с двумя песнями, либо с тремя, но заменить мы ее уже не успеем – завтра конкурс.

И тогда майор принимает соломоново решение:

– Хорошо, исполняйте, но «сдохнуть» замените на «выжить».

Охуительно! «Мы живем для того, чтобы завтра выжить». Бред сивой кобылы. Но делать нечего, приказ есть приказ.

* * *

Короче. День конкурса. Все волнуются, куча разных военных ансамблей за сценой. Пустой зал, лишь в центре горстка погон тусует – жюри, типа. Генералы разные, адмиралы, дела – волоса. И перед началом конкурса председатель жюри толкает речь:

– Так, мол, и так, перестройка, гласность, необязательно петь на военную тематику, пойте о наболевшем.

Ага, щаз. Мы где-то ближе к концу выступали, а перед нами все как из передачи «Служу Советскому Союзу» сбежали:

– Мы-ы-ы brave танки-и-исты-ы-ы!

– Шторrrrrма! И мы, морячки бесстра-а-ашные-е-е!

В общем, «фуражка да шинель» в тематике. И тут мы такие выходим. Сначала хевиметал про морскую пехоту. Ну, этим никого не удивишь. Потом панкклирика, тут народ заинтересовался, к кулисам подтянулся, те, кто в зале был, к сцене подошли. И тут мы дали:

– Безобразная Эльза, королева флирта, с банкой чистого спирта я спешу к тебе...

Народ в шоке, свистят, беснуются, но с положительными эмоциями.

И тут Колеса, гитарист-вокалист, – на меня оглядывается и бровями двигает, мол, какую версию петь?

«Нашу, нашу пой, оригинальную», – показываю ему знаками.

И понеслась:

– Ведь мы живем для того, чтобы завтра сдохнуть. Мы живем для того, чтобы завтра сдохнуть. Лай-ла-ла, лай-ла-ла, лай-ла-ла.

Народ перед сценой уже в полном ажиотаже, из-за кулис, как сейчас помню, пацаны-конкурсанты большой палец тянут, мол, «клево замочили»...

Отыграли мы последний аккорд, робкие жидкие аплодисменты, и все на жюри оглядываются. И тут – гробовая тишина. Дюжие полковники-генералы с суровыми лицами сидят и молчат. Те братки, что перед сценой тусовались, сдрыснули от греха подальше. И вот в тишине один из членов жюри произносит:

– Ну что ж. Будем считать это неудавшимся экспериментом. Следующая группа!

* * *

Усталые, но довольные дети возвращались домой. По большому счету, насрать нам было на победу, зато мы их, сука, всех сделали. И пофигу была выволочка от майора.

Зато волшебная сила искусства в очередной раз зажгла над нами фонарик и капельку осветила наши души. И подняла, разумеется, настроение.

Разрешите обратиться?

Тут один комик приходил, спрашивал, можно ли это заменить на то. Я ему сказал: «Нет, сначала там, потом здесь».

Из армейизмов

Я сейчас вспомнил. Про строй.

Когда я служил в советской армии (какой же строй без армии, а армия без строя?), служил в оркестре мой дембель – Вовка Лыков. Вован-моркован, как он себя называл. Шутник, балагур и вообще веселый парень.

Командира выводил из себя на раз.

Шли мы как-то по городу строем, майор рядом, все как положено. И проходим мы это мимо ШМАСа – Школа Младших Авиационных Специалистов. Знаменита тем, что там нес службу Алексей Глызин и по этому поводу имеется табличка на двери казармы и даже почетные кровать и тумбочка Алексея Глызина. На эту кровать кладут спать в качестве поощрения отличников боевой и политической подготовки.

Ага, так проходим мы мимо этого ШМАСа, а там, у ворот, стоит самолет. Невысоко так, стоит, можно было даже полазить по нему. ЯК-40. Маленький такой. И тут Вован говорит командиру:

– Товарищ майор, разрешите обратиться?

А мы, чтоб ты понял, мы никогда таким уставным обращением в жизни не пользовались. Мы вообще нашему майору кровушку пили, хуй на него ложили, называли по имени-отчеству и уставные «разрешите», «есть», «так точно» – никогда в жизни не применяли. Понятное дело, что майор от такой хрени не только опешил, но и сразу заподозрил неладное.

– Обращайтесь, Лыков.

– Товарищ майор, разрешите выйти из строя.

– Зачем?

– Разрешите потрогать носик самолета ЯК-40.

И это же все на серьезном тоне таком.

Торжественном, я бы сказал.

...Мы этот носик самолета ему до самого дембеля помнили.

* * *

Этот же Лыков однажды еще раз подобную хрень учудил. Я уж не помню очередность событий – до или после самолета.

Сидим раз с оркестром на репетиции, играем. А Вован, как всегда, балуется. И сам не играет, и другим мешает. Дирижер на него рассердился и послал в бытовку – бытовая комната такая – заниматься самостоятельно.

Лыков ушел, через минуту приходит. И к майору:

– Товарищ майор, разрешите обратиться.

– Что случилось, Лыков?

– Я никак не могу в бытовке играть. Там темно и страшно.

– Там что, света нет?

– Никак нет, товарищ майор.

– Лампочка перегорела?

– Не могу знать. Я выключатель не нашел.

– Лыков! Перестаньте паясничать! Вы мешаете работать. Идите занимайтесь!

– Есть!

Уходит.

Мы начинаем играть, снова появляется Вован-моркован.

Прямо посередине игры обращается к дирижеру:

– Товарищ майор, разрешите обратиться.

– Лыков, что вы от меня хотите?!?! – Это с ним уже нервный срыв случился.

А Лыков, хвастливым тоном:

– Товарищ майор, а я знаю, где в бытовке свет включается.

* * *

Позже, после демобилизации, он писал письма в оркестр: «Служу в пожарной части. Сутки сплю, двое отдыхаю».

Про гауптвахту

*Каждый матрос должен быть либо поощрен, либо наказан.
Из армейизмов*

Рассказ про то, как я на кичу попал (*кичей у нас называли гауптвахту, она же «губа»*). Было так (*я с самого начала начну*).

В девяностых годах пошла мода на дружественные визиты зарубежных военных в наш город. Всякие приезжали – французы, канадцы, корейцы, америкосы дважды были и даже индийцы.

Так вот, в очередной приезд дружественной нам американской морской пехоты решило командование дать им концерт, блять, художественной самодеятельности силами военно-служаших дивизии.

Оркестр играл марши и всяческую хуйню, подполковник Льюров читал стихи про Родину, сынишка командира танкового полка под аккомпанемент папы на баяне спел песню крокодила Гены «Теперь я Чебурашка» (так и было – комполка объявил: «Песенка крокодила Гены», и пацан запел: «Теперь я Чебурашка») – в общем всяческая хуебень. Да еще и на русском – а как же? – языке.

Понятное дело, америкосы скучали, зевали, откровенно смеялись и переговаривались промеж собою. Под занавес концерта было приготовлено выступление вокально-инструментального ансамбля «Девятый вал» (который на самом деле назывался «Темкин-бэнд», но неофициально).

Приготовились мы, надо сказать, основательно – две бутылки водки на пятерых и несколько песен, последняя из которых с припевом на английском языке: «Гуд-бай, Америка, о-о-о». Все помнят, да? Незабываемый хит Бутусова.

Эта песня должна была стать гвоздем программы не только потому, что она на английском, но и потому, что в середину песни мы вставили соло на гитаре, но не просто соло, а с выебоном. Корешочка нашего, Серегу, который служил в клубе, попросили натереть мастикой центральный проход зала, чтобы скользить можно было, а гитаристу нашему Колесе (*с ударением на второй слог кликуха*) нарастили длиннющий шнур на гитару.

Соло происходило так: Колеся бежал на самый верх, в конец зала, разбежался, падал на колени и скользил так к сцене с гитарой за головой и ебашил соляк. Зрелище не для слабонервных.

Естественно, командование о таком финте ушами ничего не знало, это явилось сюрпризом.

Со сцены, стоя за клавишами, я видел, как вспотела фуражка у нашего комполка, а у дирижера Василия Петровича заиндевели очки.

Но это все хуйня по сравнению с американцами. Еще на первых знакомых их сердцу словах – «Гуд-бай, Америка» – они начали оживать и постукивать ладошками в такт, а когда Серега проехался по залу с гитарой за ушами, те и вовсе вскочили ногами на казенные стулья и радостно заорали.

Такого ажиотажа третий матросский клуб еще не видел!

* * *

На следующий день после концерта приходит посыльный со штаба дивизии.

– Кто руководитель ансамбля?

– Я руководитель, – отвечаю.

– К комдиву!

«Нихуя себе, – думаю, – ща пизды получу». Шутка ли, не каждого моряка к себе комдив вызывает – а это же я еще на срочной был. Прихожу:

– Товарищ полковник, матрос Темкин по вашему приказанию прибыл.

– Это ты, стало быть, ансамблем занимаешься?

– Так точно, товарищ полковник. Я думал... Вы понимаете, американцы, они... Я... Мне... А то, что вот Серега... ну... то есть товарищ матрос-гитарист наш, так это элемент шоу, я по телевизору видел. В передаче «Служу Советскому Союзу».

– Отличное шоу, – говорит комдив. – Охуительное вы, товарищ матрос, выступление подготовили. Не ожида-а-ал, не ожида-а-ал. Нашим гостям очень понравилось. Объявляю вам отпуск сроком на десять суток с выездом на родину. Где живете, товарищ матрос?

– На Камчатке, товарищ полковник.

– Вот и поедете на Камчатку. А может, хотите вместо отпуска у знамени части сфотографироваться? А? Матери фотографию вышлете, вот она за сына порадует.

– Да нет, спасибо, товарищ комдив, я лучше в отпуск.

– Ну, как знаете, езжайте.

– Целую ручки, ваше святейшество... то есть, тьфу, рад стараться, ваше высокобродь... то есть служу Советскому Союзу! России, то есть, служу. И дивизии нашей, и вам лично, бля буду!

* * *

Ага. Думаете, поехал я? Хуй на рыло.

Я вместо отпуска на гауптвахту угодил.

* * *

Так вот. Пришел я, такой радостный, в расположение и кричу с порога:

– Василий Петрович, Василий Петрович! Товарищ командир дивизии мне отпуск объявили, с выездом на родину! Счастье-то какое!

– Вот и отлично, Темкин, отдохну от вас пару недель. Когда собираетесь ехать?

– Дык прямо вот, как оформим все, так и поеду. Чего тянуть-то? Вот прямо щас вот рапорт вам и подам.

А это вот так вот в армии было: все через рапорта делалось. То есть от комдива поступает приказ: «Отпустить матроса Залупу в отпуск сроком на десять суток», а матрос Залупа, со своей стороны, тоже должен рапорт командиру подать: «Прошу отпустить меня в отпуск сроком на десять суток, согласно приказу командира дивизии...»

– Нет, Темкин, прямо завтра вы никакой рапорт мне не подадите, у нас на этой неделе несколько игр, вы должны присутствовать.

А я же, бля, незаменимый, бля. Я, сука, исполнял партию первой, блять, трубы. Это охуительная партия. В ней всю дорогу паузы, а потом она сигнальчик такой подает: «ту-ту-ту», и все. Но как эти сигналы окромя меня исполнять некому, так меня сделали незаменимым. Ну ладно, отыграли игры, я к майору:

– Василий Петрович, разрешите рапорт подать.

– Какой рапорт?

А у него феноменальная память была, я уже упоминал. Ничего не помнил он. Напрочь.

– Как зачем? Отпуск, с выездом на родину, как положено, согласно приказу за номером... от такого-то числа сего месяца...

– Да-да-да, Темкин, я помню. У меня к вам одно только дело: надо одну аранжировочку написать. Напишите и поедете.

А я, надобно сказать, аранжировки писал для оркестра. Очень мне нравилось это занятие, интересно же. В общем, я ему, майору, и говорю:

– Аранжировку, Василий Петрович, плевое дело. Что нам надо оркестру аранжировать?

– Это не оркестру. Мне нужна аранжировка песни «Очи черныя» для скрипки, фортепиано и голоса.

Вот те на!

А тут фишка в чем была? Фишка в том, что у Васи знакомая была скрипачка, которая в этом трио играла. Я так понял, что Вася вызвался для нее аранжировку замастырить, а сам решил на меня свалить. А мне, блять, вожжа под хвост попала, я на дыбы:

– Никак нет, Василий Петрович, данные инструменты в составе военного духового оркестра никак не значатся, соответственно и аранжировку делать я не буду.

– Как это не будете? Я вам приказываю!

– Товарищ майор. Согласно приказу номер 222 от 18.02.88 года министра обороны маршала Язова по военно-оркестровой службе, написание аранжировок вообще не входит в обязанности матроса-музыканта. И то, что я это делаю, так это в силу большой любви к искусству, которая никакими уставами не регламентирована. А моя любовь к искусству распространяется только на духовую музыку, но никак не на скрипичную.

– А если вы не сделаете то, о чем я вас прошу, то приказ об отпуске не распространится на вас.

Но я уже в залупе. И если я туда залез, то никаким отпуском меня оттуда не выманишь.

Так и ходили мы с ним: я обиженный на него, он на меня. Но надежды, надо сказать, Василий Петрович не терял и периодически меня спрашивал:

– Ну что, Темкин, вы напишете аранжировку?

– Никак нет, Василий Петрович, не могу. Гражданская совесть военного не позволяет.

– А мне моя совесть позволит посадить вас на гауптвахту.

– Да за что же это?

– А найду за что. У вас вон сапоги не чищены и бляха.

– Василий Петрович, побойтесь Бога. Не боитесь Бога, так побойтесь хотя бы командира полка. Он же записку об аресте из-за такой хуйни не подпишет.

– Ничего, Темкин, я найду на вас управу.

* * *

И стал Вася с тех пор меня выцеплять и доебываться.

Но и я не лыком шитый, каждую ночь моряки выстирывали мне форму, драили сапоги, начищали бляху до блеска, и стал я с тех пор образцово-показательный матрос – стрижечка короткая, берет на два пальца от бровей, форма выстиранная, выглаженная, бляха на ремне сверкает.

Прямо хоть на амбразуру бросайся, такой образцовый я стал.

Пионер, блять, герой. Валя Котик и Марат Казей в одном флаконе.

И на все Васиные «сделайте аранжировку» отвечал: «Ни – за – что!»

Короче, и так майор, и сяк, а доебаться-то не до чего – мальчик-колокольчик, блять. А тут как-то у нас политинформация проходила...

О! Это вообще песня! Для молодого поколения объясню: каждый понедельник мы собирались за большим столом, и тот, кто отвечал за проведение политинформации, зачитывал передовицу какой-нибудь газеты, а моряки должны были все это конспектировать. Так

как я был на дембеле, то и, соответственно, эту шнягу проводил я. Ну не конспектировать же на старости лет?

А тут Вася, такой, появляется:

– Сегодня я буду вести политзанятия сам.

Сел во главе стола и начал:

– Не секрет...

А Серега Митрофанов, приколист наш, перебивает:

– ...что друзья не растут в огороде, товарищ майор?

Ну, когда все, кроме него, отсмеялись, майор продолжил. И вот сидит он, что-то там тулит, про политику партии, а я сижу и туплю, и мне хуйово и скучно, и пишу на автомате в тетрадку всяческую хрень. И вот только я задумался как-то, как тут выводит меня из прострации голос командира:

– Темкин, а почему вы не пишете?

– Да как же не пишу, Василий Петрович? Господь с вами! Пишу, все тщательно конспектирую. Каждое словечко ваше прозрачным янтарем капает в мою тетрадку, наполняя ее глубинным смыслом, словно небо наполняется светом, когда вы вместе с солнцем просыпаетесь, Василий вы мой Петрович, лучик вы мой золотой, жара вы моя красная!

– А ну-ка, Темкин, дайте-ка мне вашу тетрадь. Та-а-а-ак. Что это? – А там, надобно сказать, совсем не по теме. – Это что это такое, Темкин?

– Это, товарищ майор... я... мнэ... это вот я... это знаете ли...

* * *

Короче, пошли мы с Васей в штаб, выписали записку об аресте, и повел он меня, радостный, на кичу.

С формулировкой «отказ от конспектирования политзанятий».

* * *

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Собственно, в этот день я так и не сел, потому что на киче не было свободных мест. Но упорный Вася меня все-таки туда через несколько дней отправил.

И там меня ожидал приятный сюрприз.

Но об этом чуть позже.

* * *

Несколько слов о самой киче.

Наша, морпеховская, гауптвахта славилась особой жестокостью нравов, в силу этого к нам приводили на отсидку и «кузнечиков» – бойцов сухопутных войск, и «мореманов» – то есть моряков с «коробок», как мы называли корабли. Вот этим друзьям действительно сиделось у нас не сладко. Но в природе должен быть баланс, поэтому угодившие на кичу морские пехотинцы жили вполне себе вольготно.

Собственно, сама кича представляла собой небольшой домик, в котором находилось и караульное помещение первого караула, и собственно тюрьма. В гауптвахте было несколько камер: две или три «одиночки», две общих – рассчитанных на десяток человек, и так называемый «трамвай» – карцер.

Карцер – совершенно жуткое место. Это такая клетуха примерно метр на метр с утыканными камнями стенами, так что можно в ней только стоять. Не получится ни сесть, ни прислониться к стене. Сажали туда бойца, раздетого до трусов, а палубу заливали водой, чтоб на жопу не садился. Мрачная камера. Но, по счастью, я ее видел только снаружи.

* * *

Привел меня на губу кто-то из наших сверхсрочников, кажется, Борька Черепяхин. Сдал, как положено, коменданту и удалился.

– Опа! Тема! Тебя че, посадили?

– Юрец, братишечка, здорова. Посадили, суки, бляди.

– Да за что же это? Политконспекты, сука, не писал? Так за это же не сажают.

– Не, не за конспекты. Аранжировку отказался писать.

– Ни-ху-я себе!

Комендантом кичи оказался мой хороший приятель, паренек с моего призыва.

– Тема, куда тебя сажать-то? В «трамвай» – гы-гы – хочешь?

– Блять, Юрец, сам в «трамвае» сиди. Какие опции у меня есть?

– Ну, могу в «общак» посадить. Но не советую, там сейчас морпехов нет, одни чурки зеленые.

– Бля, лажа. Отпиздят ведь, суки, с них станется. Сажай в одиночку, покачумаю. Шинелку только оставь мне, дабы не задубеть.

– Шинелку оставлю и ремень тебе твой оставлю. А задубеть не задубеешь, тут отопление пиздец как ебашит.

По правилам шинель и ремень у арестованного отбирались. На ночь выдавался «вертолет» – настил из досок, на котором можно было переночевать. Днем, теоретически, боец находился на общественных работах. А практически Юрка оставил мне и шинель, и «вертолет», и я два дня тупо спал. Спал, ел и пил. Прием пищи происходил так: в караулку приносили с камбуза еду, потом кто-нибудь из арестантов накрывал на стол и уходил обратно в камеру. За стол, накрытый на десять человек, садились трое – я, комендант кичи и старший караула – какой-нибудь офицерик, обычно лейтеха, которого за офицера никто и не держал.

– Товарищ лейтенант, мы что, будем всухую ужинать?

– А что?

– Разрешите воспользоваться телефоном?

* * *

– Дневальный по оркестру матрос Запиздрючкин.

– Кто ответственный по оркестру?

– А кто его спрашивает?

– Хуй в пальто, блять. Дембель твой, несправедливо посаженный. Не признал?

– Ой, Роман Семеныч, извините. Старшина Бурнышев ответственный. Позвать?

– Давай. Алло, Колюня?

– Блять, Тема, ты откуда звонишь?

– С кичи звоню. Откуда же еще?

– Ни хуя себе. Тебе там что, телефон, что ли, поставили?

– И телефон, и телевизор, и бабу привели, ага. А когда ты узнаешь, чего я звоню, ты вообще охуеешь. Коклюш, ты мне скажи, у нас в оркестре водка есть? Или спирт, что-нибудь?

– Есть, конечно, Тема.

– Ну и отлично. Я сейчас бойца зашлю, передашь ему, ага?

* * *

– Товарищ лейтенант, все в порядке. Засылайте свободного моряка в оркестр, сейчас все будет.

Так прошло два дня.

На третий день я заскучал и попросил перевести меня в общую камеру, благо в ней уже было несколько морпехов, которые строили и «кузнечиков», и «мореманов». Пехотинец на киче был привилегированный класс – нас не отправляли на работы (обычно по очистке канализации), – но через три дня, чтобы не подохнуть от скуки, я сам вызвался покрасить двери в караулке. Правда, на середине мне это занятие наскучило, и вместо меня продолжил кто-то другой.

Вот так вот пять дней я и провел.

Классно было. Сыто, пьяно и иногда весело.

* * *

А в отпуск я так и не поехал. Потому что вскоре после этого остался на сверхсрочку. А как это произошло – это совсем другая история.

Про спирт и салют

*Если будете блудить – пуцу ракету.
Из армейизмов*

Когда я служил в советской армии, позвали наш ансамбль как-то в соседнюю часть, отыграть им на Восьмое марта «Вечер отдыха для офицеров и семей».

Встреча Международного женского дня проходила в теплой, дружественной обстановке прямо на территории части, в солдатской столовой. Те, кто служил, наверняка помнят это унылое заведение. В общем, накрыли там столы, отвели угол под ансамбль и давай выпивать-танцевать. И у нас тоже стол накрыт – для музыкантов. Да только салаты салатами, а пить нам ничего не поставили. Непорядок. И тут, аккурат в перерывчике, подходит к нам девушка-организатор и спрашивает:

- Ну как, ребята, все нормально?
- Все ништяк, – Сережка Колеса ей отвечает, – да только холодно тут у вас ужасно!
- А что, вам разве не... – И такие знаки глазами делает.
- Да нет, – недоуменно пожимает плечами Серега.

Буквально через минуту появляется та дама и ставит на стол две бутылки. Две бутылки неопределенного содержимого. То есть что-то там, натурально, плещется, но, что именно – этикетками никак не обозначено, а пластмассовая пробка дает возможность предполагать что угодно – от домашней настойки до самогона.

Мы так постояли над этим несколько минут, а потом решили дать барабанщику попробовать. Он у нас самый смелый был. Он, конечно, сначала отнекивался и вообще всячески пытался отмазаться, но мы единогласно выбрали его самым смелым и налили полную кружку жидкости:

- Пей, Костя.

Чтоб вы поняли, кружки в армии были железные, трехсотграммовые. В общем, выпил Костя честно все предложенные ему триста грамм и стоит, соображает – что же это могло быть? Смотрит, стало быть, на нас. А мы на него. И отчетливо видим, как по его челу проносятся все цвета радуги – очень красивенько так, знаете, полосками. Как испорченный телевизор – синяя полоса, за ней красная пошла, потом зеленая... А Костя стоит и даже не дышит.

- Ну, что там? – торопим мы его.

Всем же тоже хочется выпить уже, но боязно. Иди знай, что там эти ПВОшники у себя пьют.

- Шило, – выдохнул наконец-то Костя.

Спирт то есть. Класа чистый, рода неразбавленный.

А у шила есть одна особенность. Уж и не знаю почему, но, ежели его не запивать, то он до-о-о-олго в кровь не идет, но стоит после него стакан воды бухнуть – все. Пиздец, приплыли.

Костя долго держался, знал, что запивать нельзя. Но голод, знаете, не тетка, а сушняк не дядька. В общем, в какой-то момент Костя выпил водички.

Дальше происходит следующее: подходит к нам одна девочка и говорит такая:

- Ой, мальчишки, а можно я с вами спою?
- Конечно можно. Что ты петь умеешь?
- Я умею петь песню Аллы Пугачевой «Миллион алых роз».

Не проблема. Начали играть. Сыграли вступление, девочка спела первый куплет, второй, третий, тут и концовка подошла, ан – нет. У Кости есть одна особенность организма – когда он выпивает, его уже невозможно остановить. То есть никак. Ничем. Все. Чувак рабо-

тает, и ему все по фигу. Причем в любом состоянии ритм железно держит – хороший барабанщик. Но слово «кода» для него уже не существует. Я ему уже всеми глазами, и руками, и клавишами показываю, мол:

– Трям! Трям, Костя, концовка уже. Трям! Кода.

Но нет! Не такой человек наш Костя! Он категорически не верит в концовку и продолжает барабанить. И мы, соответственно, за ним.

Я снова играю вступление, девочка начинает петь песню сначала. Первый куплет, второй, третий... Вся песня по кругу, дубль-два, для военных. А Косте уже хорошо. Зачем останавливаться, когда можно так замечательно барабанить?

Я снова играю вступление, а девочка, совершенно растерявшись, начинает петь по третьему заходу.

Первым не выдержал басист.

Нагло поправ все устои и правила приличного поведения на сцене, он просто положил бас и ушел за стол. За ним гитарист, я тоже в какой-то момент понял, что Костю останавливать просто бессмысленно. Проще остановить паровоз голыми руками. Девочка тоже куда-то свалила, и тут происходит замечательная фишка: Костя, не останавливаясь, продолжая играть сольно, начинает, простите, блевать.

Ага, прямо на барабаны, куда же ему еще блевать-то?

Прямо на снейр.

Но не останавливается и палочкой так – раз! Бух – и маленький салютик такой. Бе-е-е, трах по барабану – еще салютик...

* * *

А потом Костя пропал. Просто проебался, и мы его долго не могли найти, хорошо, что с нами был паренек, который умел на барабанах играть.

А Костю мы ближе к концу вечера нашли возле столовой.

Он стоял, безвольно опустив руки, прислонившись головой к стене, и – спал. Просто мертвый был.

Мы его потом в машину с инструментом погрузили и в часть привезли. Все еще в бессознательном состоянии. Он только наутро проснулся и ничего не помнил.

Так что, друзья, не пейте триста грамм небодяженого шила.

А если и пьете – не запивайте!

Про похороны. Цинично

В следующее воскресенье, где-то в пятницу, к нам приедут музыканты показывать музыку.

Из армейизмов

5 ноября 2006 года Ромик, дорогие мои друзья, отмечал свой день рождения на кладбище. Ага. На жмуре.

Решили мы с пацанами с утра водкой затариться.

Пацанов много, стало быть, и водки немало должно быть. Решили брать ящик – двенадцать бутылок. Этого человек на десять должно было хватить. Нормально. А в руках же не понесешь. Тяжело ведь. Так послали мы товарища прапорщика в штаб, чтобы тот под каким-нибудь благовидным предлогом выбил нам армейский автомобиль. Возвращается товарищ прапорщик уже буквально через несколько минут, мрачный как туча:

– Что случилось, Лаврентьич? Не дали машину?

– Дали, через час выезжаем.

– Ну отлично.

– На жмура выезжаем. Телефонограмма пришла. Жмур дубовый.

Для тех, кто не в курсе: дубовый жмур – это похороны какого-нибудь офицера, на которых должен играть военный оркестр. Безо всякой, разумеется, оплаты.

Не самое лучшее проведение дня моего рождения. Но нет худа без добра: зато есть легальная машина.

Начали собираться – оп-па! Ни одного тубиста в оркестре. Один в отпуске, другой тоже не помню куда проебался. В общем, вафли. Басовая партия – одна из самых важных в похоронной музыке. Что делать? И тогда смелый Борька Черепяхин – саксофонист – говорит:

– Хуйня, вы мне быстренько гамму покажите, я дуть научусь и сыграем.

Короче, буквально за какие-то полчаса научили мы Борьку на тубе играть.

В общем, выехали мы на жмура, а по дороге успели заскочить в ларек и купили-таки ящик водки с закусончиком.

Ну, про вынос тела рассказывать не буду – ничего интересного. Играли нормально, Борька, вспоминая гамму, по нотам играл сравнительно правильно.

Самое интересное было на кладбище.

Офицер, видать, знатный был. Несколько десятков человек собралось почтить память усопшего, и каждый считал нужным рассказать про него что-нибудь хорошее. В общем, поняли мы, что похороны растянутся надолго. А у самих уже трубы горят – ящик водки своей доступностью, буквально, жжот зрение. Долго ли, коротко ли, товарищ прапорщик присвистывает и делает нам всяческие знаки – мол, «отойдемте, товарищи».

Подошли мы к соседней могиле, раскупорили водяру, разложили закуску и давай балагурить и выпивать и меня с днем рождения поздравлять. А между выступающими, раз в десять, примерно, минут, обозначали какой-нибудь похоронный марш.

«Обозначали» – это очень точно сказано, ибо, чем больше выпивали, тем веселее становились, чем веселее становились – тем сложнее было играть. Доигрались до того, что вместо похоронного марша сыграли им «День Победы». Но очень медленно, никто и не заметил. А может, и заметили, нам уже как-то все равно было. Тем более что Борька уже нажрался и играл на басу по принципу «играл, не угадал ни одного звука». А там же партия такая тягучая, у тубы. Взял ноту и тя-а-а-анет... А так как гамма уже после «рощи первых бутылок» была забыта, то и брал Борька что ни попадя.

Нас это так веселило, что в какой-то момент наш жмур прислал представителя, который попросил смеяться потише. В общем, за какой-то час, пока покойничка пытались уложить в могилу, мы с братьями-музыкантами нахуюкались по полной программе, так что на вечер водки не осталось.

А нам и не надо! Мы уже готовые.

В общем, начали виновника торжества в могилу опускать. А там же караул, он должен три выстрела сделать, пока мы гимн Советского Союза играем.

Прапорщик говорит начальнику караула:

– Стреляйте быстро.

– Это как это быстро?

– Быстро стреляйте, мы играем укороченную версию.

Укороченная версия гимна состояла в том, что игрался первый такт, а после него сразу последний. Такое вот попури. Это потому, что уже не терпелось со всем закончить и поехать добухивать (*хотя добухивать там уже немного оставалось*).

Начальник караула поморщил репу и обещал стрелять очень быстро. Сказать честно, у них все равно не получилось успеть. Последний выстрел был сделан уже тогда, когда оркестр был на соседней могиле – там, где бухло с хавчиком разложено было, – собирал, допивал и, весело гогоча, погружался в машину.

Это были самые веселые похороны в моей жизни.

Случай в армии

Будешь тут у меня сидеть до конца своей жизни, я сегодня до семи дежурю.

Из армейизмов

Служил у нас один хохол. Звали его Серега, но для конспирации будем называть его, скажем, Грицько. Такой хохляцкий хохол. С хекающим хе, все как положено. Он даже слово «гюйс» выговорить не мог. Бывалоча пацаны говорят ему:

– Грицько, иди сюда, скажи «гюйс».

– Хуст!

– Гриня, не «хуст», а гюйс. Ну скажи: гю-ю-ю-юйс.

– Ну хуст, я же говорю – хуст, шо вы хотите?

В общем, такой вот Грицько. Но в принципе спокойный такой, тормознутый слегка паренек.

Ага.

И был с его же призыва один литоооовец, Эдмундас Ш. Но мы же конспирируемся, правда? Поэтому в этой рассказке я буду звать его просто Эдмунд. Тракторист с какой-то литовской деревни, сильнющий парень шо песдец. Причем по нему и не видно, что он сильный, – не качок никакой, среднего роста – но силищи в нем было, мама родная! В целом достаточно флегматичный, но если его разозлить – что было, впрочем, нелегко, – то можно было нехуевых пиздюлей огрести. Он однажды меня за камбузом, на уборке территории, уебал так, что я летел. В прямом смысле слова, как в индийском кинe.

Повар потом рассказывал:

– Смотрю себе в окно, гляжу – Рома пролетает. Низенько так идет, видать, к дождю.

* * *

В общем, были они с Грицько уже дембелями, когда что-то между ними приключилось.

Уж и не знаю, как его тот хохол достал, но рассвирепел Эдмунд не на шутку. Взял Гриню в охапку, положил его на кровать, а голову засунул промеж прутьев и те прутья зажал.

Лежит Грицько на кровати, голова в спинке, а прутья разжать не может, потому как, что литовец согнул, то хохлу ни в жисть не разогнуть. В общем, лежит он так и орет благим матом. И ладно бы Эдмунда ругал, а он вместо этого себя жалеет:

– Сука ты, как ты можешь так поступать? Я же дембель! Я же, сука, дембель, а ты меня как душару драчишь! Что же ты, сука, делаешь?

А Эдмунд, я же говорил, долго греется, но кипит сильно.

– Ах ты, блять, дембель? – отвечает. – Ты, сука, дембель? А где же твой дембельский чемодан?

А у нас дембеля уже чемоданы прикупили да и в каптерку спрятали. И тут как в том детском анекдоте про зайца, волка и медведя: «А где твоя кепка? А вот твоя кепка», – и крышкой от люка волка по башке.

Вот так и Эдмундас:

– А где твой дембельский чемодан? А вот твой дембельский чемодан!

Приносит чемодан, вытряхивает на палубу все содержимое, надевает Грине, зажатому меж прутьев кровати, на голову и закрывает молнию.

Знаете, советский такой коричневый чемодан с молнией, у которой с двух сторон два замочка посредине сходятся.

Представляете картинку?

Лежит Грицько на кровати, голова в прутьях зажата, а на голове чемодан надет, и оттуда, из чемодана, уже даже и не крики, а всхлипы раздаются. Причем он всхлипывает из жалости к себе, а мы все – от смеха. И Эдмунд такой злой ходит:

– Дембель он, блять.

* * *

Гриню мы, конечно, освободили, так он схватил столовый нож – тупой такой, с закругленным концом – и с этим ножом стал за Эдмундом гоняться. А тот уже подостыл и просто со смехом убегал.

* * *

Помирились они или нет – уже и не помню, потому что вскоре настал у них дембель и больше я их и не видел.

Да и они друг друга, надеюсь, тоже.

И еще про армию

Живете как свиньи в берлоге.

Из армейизмов

А знаете ли вы, что, когда я служил в советской армии товарищем прапорщиком, я был первым военнослужащим из офицерского состава с сережкой в ухе. Причем не просто сережка, типа гвоздика, это было бы еще полбеды. У меня висел здоровенный такой крест, как у Джорджа Майкла на фотографии, которую напечатали в журнале «Ровесник».

Конечно, на построениях я ее снимал, но в другое время рассекал по дивизии с этим артефактом в ухе, вызывая крайне неоднозначную реакцию других офицеров от «пидор» до «ни хуя себе!». Вообще, эпатаж у меня тогда был в крови. Сейчас как-то поиздохся уже. Да и эпатировать некого, все уже ко всему привыкли.

Михаил Шервуд

Стрельба в падении

Подполковник Суворов был дерьмом.

Факт этот никем не оспаривался, а полковые офицеры объясняли поведение Суворова просто: «отсиделся в тылу», «не воевал», «фронт и не таких лечит».

Среди прочих «достоинств» Суворов имел хобби: он любил ходить в наряд дежурным по караулам, чтобы поиздеваться над солдатами. Зимой он «беседовал» со стоящим без полушубка постовым на темы устава гарнизонной и караульной службы, пока тот мог еще членораздельно отвечать. Весной и осенью, когда на постах полно луж, он давал постовому вводную: «Нападение на пост!» – чтобы солдат был вынужден плюхнуться пузом в грязную лужу. Дождался щелчка затвора и давал отбой вводной.

Когда я простоял рядом с ним в шинелишке при минус тридцати с чем-то мороза до полного окоченения тела и мозгов (а он был, естественно, в полушубке), я понял, что не успокоюсь, пока не заплачу ему с избытком.

Но как? Ведь он выполняет уставные требования по проверке готовности солдата к «охране и обороне вверенного ему поста», а мы в данном случае охраняли склад боеприпасов дивизии. Тысячи тонн боеприпасов. Да и какая разница, на каком посту стоишь и в каком карауле. Он же за сутки все караулы обойдет, гадина.

Теоретически выход был. Надо было успеть начать стрелять прежде, чем он даст отбой. Тогда караул выскакивает по команде «Караул в ружье!», дежурная рота на брониках летит к караулу, поднимают с койки генерала, а потом оказывается, что все это туфта и развлекуха подполковника Суворова. Все так. Только автомат за спиной, на предохранителе. Надо успеть, пока падаешь в эту лужу, начать стрельбу в падении. И сделать это уверенно, за секунды. И так и этак пробовал – не получалось. Что же, так и буду плюхаться рожей в грязную лужу, чтобы эта тварь радовалась?!

Но тут начались у пехоты боевые стрельбы в составе роты (а мы стреляли после разведроты). И – увидели, как стреляет спец. Командир разведроты шел, держа автомат в положении «на ремень», и, как только начали подниматься мишени, он упал – как-то странно, выгнувшись вперед, как бы перекатившись колесом, – и, едва коснувшись локтями земли, дал очередь, и мишень упала. И встал он как-то весь сразу, непонятно как. Сплошной восторг! Вот подарок Суворову, вот он где! Я объяснил идею парням, меня с радостью поддерживали. И, найдя время, побежал к пехоте, в разведроту. Капитан посмеялся, но объяснил подробно, что и как. И даже приходил к нам несколько раз, посмотреть. Сколько же мы шишек набили на локтях и коленках, вспомнить страшно. Тренировался весь наш взвод. Каждый день.

Прошло пятьдесят лет, а я до сих пор горжусь своей идеей и счастлив, что именно меня подполковник Суворов положил рожей в лужу, по которой он предварительно прошелся пару раз. Ух как он взъярился, когда я закатил очередь в указанном им направлении! Потому что был уверен, что у меня был патрон в патроннике и автомат снят с предохранителя, иначе, по его мнению, я не успел бы так быстро! Хоть бы проверил, идиот, как положено, прежде чем давать такую вводную.

На следующий день начался разбор, и я заявил, что все было по уставу. Дали автомат, я показал – раз, другой, третий, десятый, пятидесятый. И вхолостую, и с патронами. И просто так. И по мишени. Просто удивительно, ведь есть же офицер, до которого мне, как до неба. И рота, которую он обучает. В голову никому не пришло.

Конечно, генерал снял с Суворова скальп, потому что я закатил очередь на весь магазин по стене склада боеприпасов, со стороны которого было «нападение».

Тревога в дивизии была что надо!

Мне объявили отпуск за успехи в овладении личным оружием. Но не сложилось. Командир разведроты со смехом рассказал офицерам о наших тренировках, Суворов взбесился. Батя наш посоветовал ему «воздержаться от дурных проступков», потому что «советский солдат самый находчивый в мире». Скорей всего, именно это подействовало: он же знал, что тренировался не я один. А ротный в отпуск меня не пустил, потому что офицеров надо уважать, а не тренироваться ради мести старшему офицеру.

Ну и фиг с ним, нет и нет.

Зато какая рожа бывала у подполковника Суворова, когда мы, случалось, проходили мимо друг друга...

Гриша

Гриша вместо «р» произносил четкое «г» и поэтому говорил не «все равно», а «все одинаково».

Зато на математике народ радовался, когда Гриша заявлял, что «икс гавняется бэ». Правда, к окончанию школы он научился произносить грассирующее «р», но, когда злился, переходил на «г».

Мама была единственным мужчиной в семье, и Гриша под пятой мамы вырос тюхлей. И когда из-за девушки Али наглухо завалил сессию и засвистел служить, особого огорчения не почувствовал. Ему было все равно, кто на него будет давить: мама или сержант. Тем более что становиться детским врачом, как хотела мама, ему не хотелось. Ему нравилась математика.

В военкомате он сказал, что да, занимается спортом, первый разряд, поэтому попал в компанию борцов, штангистов, боксеров и прочей братии.

А первый разряд у него был по шахматам.

На фоне сослуживцев он выглядел жалко. Гриша был рыжий, красный, как огонь, и получил кликуху «красный воин», которая звучала откровенной насмешкой. И неизвестно, как было бы, если б не аппендицит. Хотя, скорее всего, списали бы куда-нибудь. Потому как, если призвали – барабань три года до дембеля, который неизбежен, как крах капитализма (правда, оказалось, что с капитализмом авторы афоризма поторопились, ну не суть).

Мы познакомились на первом году службы в лазарете, где нас обоих лишили аппендиксов.

Гриша считал, что армия, если не считать жуткой кормежки и физических нагрузок, не так уж неприятна. По крайней мере артиллерия штука интересная – там математика. Сюда бы еще Алю. Нет, жениться на ней не получится, Аля считает его мямлей, они бы растались уже, если бы не армия. Почему она вообще с ним связалась? Может, считала, что нельзя после школы оставаться девственницей, ну и выбрала его? Да и не мямля он. Просто парень из нормальной еврейской семьи, соответственно воспитан и не имеет склонности сразу давать кому-либо в рыло, как это делают, скажем, русские. Или другие, неважно. Это не значит, что он мямля. Почему он должен решать вопросы кулаком?

– Конечно, – говорил я, – конечно, пушкой лучше. Интереснее – там математика. И эффективнее.

– Ты дурак, – спокойно отвечал Гриша.

Его батарея и наша рота приходили в столовую одновременно, и мы виделись ежедневно. Постепенно подружились.

Гришу каждый день не менее получаса гоняли на площадке рукопашного боя для укрепления брюшного пресса после операции. Ну, суплес и работа ногами сильно укрепляют пресс. Собственно, меня тоже гоняли, но самое смешное то, что ему начала нравится работа ногами. «Это расширяет возможности движения», – говорил Гриша. Он начал заниматься все свободное время и к лету превратился в крепкого парня, способного хорошо постоять за себя даже среди своих сослуживцев-спортсменов. Ему это стало интересно, к тому же он почувствовал вкус победы в схватке. Правда, пока было неизвестно, способен ли он съездить в рыло на предмет «решения вопроса».

В конце лета начались выпускные экзамены, понаехали «покупатели». На экзаменах, говорят, он отмочил фокус. Когда майор-«покупатель» спросил его, хочет ли он служить в их бригаде, Гриша ляпнул: «Мне все гавно». Не «одинаково», как обычно, а именно так. Командир учебной батареи бросился на выручку: «Курсант Якопсон не выговаривает звук „р“; он прекрасный артиллерист, все стрельбы выполняет только на „хорошо“ и „отлично“, ни одной

посредственной оценки, прекрасно знает матчасть. Хороший рукопашник». Наверно, он зря сказал насчет рукопашника, потому что Гриша поморщился, и «покупатели» это усекли. Гриша же занимался рукопашкой не чтоб «кому-то там в рыло», а из эстетических принципов: ему нравилась острота положений на площадке, необходимость их мгновенного решения, да много всего, сразу так не расскажешь. В конце всего Гришу оставили в его же учебной батарее, дав ему две лычки.

На третьем году Гриша стал старшим сержантом, крепким парнем, большим любителем жестких спаррингов с группой партнеров. Хотя в рыло так никому и не давал.

Как-то раз около столовой подошел он ко мне и попросил помочь. Приезжала Аля. Он точно не знал, но предполагал, что приедет и мама. Это никак не сочеталось, да и надоело так... Если мама таки приедет, мы должны были на вокзале подойти к нему и сказать, что его срочно требует комбат.

Грише выдали увольнительную на двое суток, он снял номер в гостинице, провел подготовительную работу с дежурной, а мы с другом Кузей попросили увольнительную на два часа, «для решения личных вопросов».

...Комбата предъявлять не потребовалось. Мамы не было. Гриша встретил свою девушку, и, когда они, улыбающиеся, проходили мимо нас, местный мужик радостно заорал: «Гля, братан, жидок – старший сержант!» Гриша сделал шаг в его сторону, не отпуская Алиной руки, и врезал мужику кулаком в переносицу. Голова мужика мотнулась назад, и он тряпкой осел на асфальт. «Братан» заорал: «Ты че делаешь, сержант!» Гриша поправил: «Стагший, понял, мужик, стагший сегжант. Тебе все понятно или тоже объяснить?» Мужик заторопился: «Понял-понял, все понятно. Только предупреждать надо, а то сразу в рыло».

Аля была в восторге: «Гриша, ты стал настоящим мужчиной! Я бы вышла за тебя... если бы ты согласился» Гриша ответил: «Газбеггемся. Вон гостиница, она наша на двое суток, идем». Аля кивнула, и они пошли.

Я сказал Кузе: «Мамы не будет, врубаем реверс».

И мы пошли в казарму.

Заглада

Сейчас трудно объяснить, кем же была Заглада. А вот пятьдесят с лишним лет назад ее знала вся страна. Даже у Высоцкого было: «Он был стахановец, гагановец, загладовец...» Если коротко, это была тетка-колхозница, поднятая на щит Хрущевым и компанией. Она моталась по стране с призывом работать честно и добросовестно на благо нашей Родины. С этим она появилась и в нашей дивизии.

Заглада стояла рядом с комдивом на трибуне. Нас построили на плацу. Больше десяти тысяч человек. Полками, побатальонно. В парадных мундирах. С боевыми знаменами. На жаре.

Представляете, да?

Она с трибуны, тоненьким голосочком: «Сыночки, дорогие! Служите честно, слушайте командиров!..» И так далее в том же духе.

А мы в десять тысяч глоток: «Ура! Ура! Ура!»

Да это фиг с ним. Но вот повели ее показывать боевую технику. А как же, по полной программе!

И ей не понравилось, что окраска танков... матовая. Потому что, мол, должны БЛЕ-СТЕТЬ наши грозные танки! Чтоб, значит, враг издалека видел и заранее боялся. Ну а как же иначе!

И вот мы, смоченными в масле тряпками, до упора натираем машины, чтобы окраска бликовала.

Повезли ее показывать летний лагерь. И все бы хорошо, да не понравился ей лесной беспорядок. Почему в лесу везде валяются сосновые шишки и иголки прямо-таки толстым слоем? Значит, давно не убирают в лесу. Нехорошо!

Думаете, треплюсь? Нет. Все так и было, и потому мы, наплевав на учебный процесс, кинулись собирать все иголки и шишки в лагере и округе, потом танком выкопали огромную траншею (хорошо, что не вручную, а то вполне могли бы заставить), засыпали в нее хвоей и шишки, утрамбовали танком и завалили землей.

Ну а вскоре прибыл кто-то из высших чинов и прямо-таки ошалел от бликующей на солнце боевой техники. Что было! А потом начальство узрело еще и лес без шишек и...

И опять мы, забросив учебный процесс, закрашивали обратно всю технику, а из соседнего леса привезли, а потом разбросали новые шишки-иголки.

Пожалуй, это был наибольший армейский идиотизм за все три года службы. Только мы уже к тому времени научились. Поняли службу.

У англичан, я читал, говорят: всему, что движется, отдай честь; все, что не движется, покрась.

Тоже ведь, понимают службу англичане.

Медный лоб

Одно время решено было укреплять Советскую армию политработниками с гражданки.

В нашу часть прибыл один такой «укрепитель», быстро получивший кличку: офицеры прозвали его Олегом Поповым (был такой знаменитый клоун в те времена), а солдаты – Медным Лбом. Эта кличка за ним и закрепилась до тех пор, пока его от нас со скандалом не убрали. Довольно скоро.

Мы были танкисты, технари, а этот в технике не рубил. Да и не хотел, наверно. Он все толкал о пленумах Политбюро и их выдающемся влиянии на обороноспособность страны, а сам ни водить, ни стрелять не умел. И человек был дрянь. И какое к нему отношение могло быть?

Вот несколько историй с Медным Лбом.

Сдвиг по фазе

Была наша очередь работать на танковой директрисе полигона. Работы было много, да еще и снега навалило. Утром, вместо зарядки, – чистим снег, после работы, перед ужином, – опять снег чистим. А как посачкуешь, если дежурные офицеры – специалисты? Оставалось ждать, когда появится пехотный офицер, которого можно надрать. И тут появился Медный Лоб. Заводила Толик Хлебнов сразу решил: «Сачкуем Все!!»

На следующий день Хлебнов сразу после развода улегся в кочегарке на скамейке с детективом. А кто служил, тот знает, что читающий солдат для офицера – как красная тряпка для быка: солдат должен пахать не менее двадцати пяти часов в сутки.

И Медный Лоб взвился: «Почему не работаете, товарищ солдат?»

А Толька ему: «Фаза пропала, товарищ майор, а без фазы электросварки не бывает». (Для тех, кто не знает: фаза – это так называемый фазный провод, кабель. Если в нем нет напряжения, говорят: нет фазы, пропала фаза.) Ему подтверждают все, что да, это так, если пропала фаза – сварки нету.

* * *

Первым делом Медный Лоб побежал включать рубильник, но генератор не заработал. Значит, фаза пропала – украли, в самом деле.

Тогда он устроил крик на тему нашей небрежности и отсутствия бдительности «при выполнении работ по модернизации боевой техники в условиях враждебного капиталистического окружения» – а мы меняли старые радиостанции на танках на новые – и в книге приказов по полигону написал приказ от имени Бати «о строгом соблюдении режима хранения» несчастной фазы «с обязательным ежедневным опечатыванием места ее хранения».

Потом он позвонил в часть, сказал, что украли фазу, и попросил привезти новую.

* * *

Что там было с офицерами, можно только догадываться... Через пару часов прилетел на гусеничном бронетранспортере зампотех полка, с ходу полез в рубильник, вытащил из-под предохранителя лист тонкой резины и заорал на весь полигон: «Хлебнов, ко мне, бегом!»

А Хлебнов смотрит на него младенческим взглядом: «А чего, товарищ подполковник, уже и сачкануть за три года нельзя, – по поводу случившегося случая. – А так же мы пашем...»

Зампотех намек понял. И он, никогда не ругавшийся матом в присутствии солдат, покрутил головой: «Ну Медный Лоб, ну Медный Лоб, я тебя, вдоль тебя и поперек», – что означало крайнюю степень возмущения.

Выстрел в голову

Были у нас в батальоне два молодых литера. Они друг без друга буквально жить не могли и вечно соревновались: кто лучше стреляет, кто лучше водит, кто лучше учит солдат. И все свободное время торчали на тренажерах. Но, как на грех, раз как-то лягнули Медному Лбу, что стрелять, водить, драться и, конечно, учить этому солдат гораздо важнее, чем читать им об очередном пленуме ЦК КПСС. Ну не так прямо, конечно, но дали понять.

Медный Лоб затаил обиду. И он быстро их достал.

Городок маленький, деваться особенно некуда, и эти двое вечера все проводили на винтполигоне, придумывая и задавая себе задачи по стрельбе. А тут Медный Лоб прессует. И они решили с ним «разобраться». Достали стартовый пистолет. Смяли молотком пистолетную пулю.

И стали ждать.

Когда Медный Лоб в очередной раз пришел на винтполигон их «воспитывать», они стали огрызаться, чтобы накалить ситуацию. Потом один из них «не выдержал», вытащил пистолет без патронов и «выстрелил» Медному Лбу в голову. Одновременно второй выстрелил из стартового пистолета. Первый подошел к застывшему Медному Лбу, нагнулся, сделал вид, что поднял с пола пулю, и сказал: «Ты гля, даже пуля сплющилась».

Ошарашенный Медный Лоб написал командиру части рапорт, в котором изложил, как двое литеров хотели его убить, стреляли в него из пистолета и убили бы... хорошо, что «пуля сплющилась и отскочила».

Героический Кузя

Учения были отчетные, за весенне-летний период обучения. Мы с Дуйсенбаем обслуживали машину, а Кузя отошел в кустики. Ну надо. Проходит время, Кузя не возвращается. Как же его, однако, развезло. Через полчаса пошли поторопить.

Место, где Кузя был, нашли сразу. Рядом натоптано, ветки поломаны. Кузи нету. Дуйсенбай заявляет, что Кузю похитили. «Пошел бы ты, Дуся, – говорю. – Мужики из ЦРУ, да?» Он рассердился: «Сколько раз говорю, не зови меня Дусей». Дело было старое, потому что Дуйсенбай – длинное имя, и мы иногда пользовались «сокращенным». Иногда он злился, иногда – нет. Дуйсенбай заявляет, что я слепой, как все горожане, а он охотник и все видит. «Ну да, – говорю, – охотник. Из МГУ. Там у вас на кафедре – все такие охотники. За девками». Его за эту страсть отчислили, и он пошел служить. В общем, дело нужное, и то, и то.

Мы спорим, и тут появляется Кузя – фингал на весь портрет, губы разбиты, хэбэ в хлам, в руках пистолет и планшет с картами.

Начал рассказывать, как закончил свои дела под кустом, принялся застегивать штаны, а на него набросили мешок, поволокли и...

Не успел он рассказать, поднялся переполох, орут: «Строиться!» Стоим мы, Кузя с разбитой мордой тут же. Выходит посредник и говорит, что на офицера соседней части совершено разбойное нападение, разбиты «кости лица», украдено табельное оружие, карты с нанесенной обстановкой.

– Судя по погонам, это сержант вашей части, потому что других с такими погонами рядом нет.

Если кто, мол, знает, кто совершил преступление, то...

И тут выступает наш Кузя. Рассказывает, как разведка пехоты украла его прямо из-под кустика и доставила к этому лейтенанту. Как тот стал хихикать, что вот, дескать, обделались вы, ударная сила, и все такое. Покажи, значит, на карте, где у вас что. Как положено, раз вляпался. На пенек карту положил и пистолетом прижал, чтоб ветерком не унесло. Или для антуражу. И Кузю именно этот пистолет, оставленный, привел в бешенство. И этим самым пистолетом приложил он лейтенанта по голове. Парень с автоматом рядом стоял – его тоже. Взял карты, пистолет и вернулся в родную часть. И всех делов. Доложить о происшествии не успел, вернулся вот только что, перед командой «Строиться!».

Скандал был красивый.

Литера этого перевели в другую дивизию, подальше от позора.

Героическому Кузе дали отпуск. На Кузю все показывали пальцами, нечасто так бывает: дал по рылу офицеру – и поехал в отпуск на третьем году службы. Поскольку он служил уже третий год, так его по-быстрому после приказа дембельнули.

Но это ладно.

Был хороший разговор с замполитом.

– Как можно, товарищ Кузнецов, бить своего советского офицера по лицу? Вообще офицера, – не понимает Медный Лоб.

Кузя находчиво отвечает, что бил не офицера, а противника.

– Но ведь противник условный, – говорит замполит.

– Я и бил условно, настоящего врага уж заделал бы, – отвечает Кузя.

– Ну а если бы – товарищ генерал? – поднимает палец замполит.

Кузя пожимает плечами, какая, мол, разница, можно и генералу заехать, делов-то. Замполиту мало:

– Ну а если бы Генеральный секретарь нашей партии? Тоже?

Кузя встает по стойке «смирно!»:

– Товарищ майор, Генеральный секретарь нашей партии ни при каких обстоятельствах не станет моим противником, товарищ майор! Разрешите идти, товарищ майор?

Вышел из палатки, закурил: «Ну что ты скажешь, Медный Лоб на своей лошади».

«Розыгрыш»

Приятель мой после окончания института служил в армии, и его приехала навестить беременная жена. Только она неудачно выбрала время, потому что в полку были учения. В самом начале «противник нанес удар», в результате которого мой приятель был «убит». Посредник отправил «убитых» в казарму – чтобы не мельтешили.

Когда Томка приехала, ее муж спокойно дрых на своей койке. Она прошла в казарму и спросила, где тут Симонов, ее муж. Дневальный спокойно ответил: «А его убили, воо-о-он он лежит». И показал, где лежит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.